

УДК 81.42

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКОВОГО НАСИЛИЯ В РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Т.С. Шахматова

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о разграничении разумной критики и оскорбления (унижения) в ситуации неравного социального положения участников общения. Оскорбление расценивается как инструмент речевой агрессии, с помощью которого осуществляется социальное давление, принуждение, коммуникативный садизм. Обоснован вывод о том, что при анализе речевого акта оскорбления эксперту-лингвисту необходимо учитывать условия речевого акта (в частности, статусные роли инвектора и инвектума, общий контекст общения).

Ключевые слова: речевой акт оскорбления, речевая агрессия, контекст речевого акта, языковое насилие.

Психологами и социологами доказано, что насилие – это одна из составляющих природы человека и вовсе искоренить его невозможно. М.Н. Липовецкий и Б. Боймерс в книге «Перформансы насилия» исследуют художественные способы осмысления нашей новой постсоветской социальности и говорят о дискурсе «войны ни о чём», называя современную ситуацию «войной всех против всех», «беспричинным насилием», «малым террором». Примеры языкового насилия «можно увидеть в языках криминальной субкультуры, ритуалах армейской дедовщины, дискурсах бытовой ксенофобии, стандартных репрессиях коллектива по отношению к собственным членам, маркированным как “отщепенцы” и “козлы отпущения”» [1, с. 40]. Понятие *другой* в современном обществе формируется весьма легко, оно субъективно и часто не зависит от реальных политических, религиозных или каких-то других интересов. Деление на «своих» и «чужих» – это серьёзный инструмент давления.

Лингвисты считают, что переход к новой России только усилил общий уровень языковой агрессии. Этому способствовали демократизация языка и отмена цензуры, следствиями которых стали многочисленные нарушения этической нормы в речевой практике (см. [2, с. 94]). Лингвисты и судебные эксперты всё чаще отмечают в качестве приметы современной социальной жизни наличие такого явления, как *коммуникативный садизм*, который особенно характерен для структур, где имеется чёткая иерархия, власть одного человека над другим (чиновник и граждане, начальник и подчинённые, учитель и ученики) (см. [3, 4]). Главной интенцией коммуникативного садизма является намерение причинить

моральные страдания жертве. Главной характеристикой субъекта садизма можно назвать ощущение собственной правоты при понимании болезненного эффекта от своих слов. Садизм может быть причиной языкового насилия, но чаще всего является одной из его составляющих.

В качестве противовеса общему уровню повышения языковой агрессии наблюдается существенное увеличение количества дел, связанных с покушением на честь и достоинство граждан, дел об оскорблении. Этот факт, по мнению учёных, «свидетельствует о возросшем самоуважении людей, что, в свою очередь, является признаком совершенствования и зрелости общественного самосознания. Может быть, впервые в истории нашего государства личность начинает приобретать тот вес и значение, которые она уже приобрела в развитых западных странах» [5, с. 195]. Особенно примечателен тот факт, что споры о защите чести и достоинства сейчас решаются в отношении не только известных и публичных людей, но и рядовых граждан, всё чаще отстаивающих права личности в суде.

Встаёт вопрос о правовой квалификации не только инвективных конфликтных стратегий, но и так называемых куртуазных практик агрессивного общения или языкового насилия, которое рассматривается в юридической лингвистике как форма психического деструктивного воздействия на личность адресата с помощью вербальных действий.

Целью настоящей статьи является анализ условий и контекста речевого акта оскорбления без явных инвектив при неравном отношении между участниками. Основная задача – описать речевую ситуацию оскорбления с точки зрения её общеязыкового и ситуационного контекста в практике лингвистической судебной экспертизы.

Лингвисты-эксперты уже обратили внимание на тот факт, что для вынесения решения о наличии или отсутствии оскорбления недостаточно анализа лексикологии. Сами по себе языковые средства оскорбления, то есть «неправовые» слова рассмотрены в ряде работ (см. классификации инвектив в работах гильдии экспертов ГЛЭДИС [6], К.И. Бринёва, В.И. Жельвиса, Г.В. Кусова [7–9]).

Однако теория юрислингвистики пересмотрела подход к оскорблению, когда основанием признания языкового преступления служила только грубая или бранная форма прямо адресованных кому-либо лексем. Приведём определение оскорбления, которое, на наш взгляд, наиболее точно отражает признаки речевого акта оскорбления как термина юридической лингвистики: «В логической формуле речевого акта оскорбления тезис о социальной несостоятельности личности преподносится в безапелляционном виде, и именно это создаёт иллюзивный эффект речевого акта оскорбления. В таком понимании *оскорбление* – это речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания её социальной значимости. Оскорбительное суждение строится по принципу игры на понижение социальной оценки: всё, что ты делаешь или говоришь, – несущественно, так как ты не можешь быть “знатоком” в силу того, что ты “изгой”, находишься внизу социальной иерархии. Оскорбление – результат срывания “титульных свидетельств”, регистрирующих социальный статус в обществе: лишение титула или

ранга, постановка приговора, диагноза, обвинение в аморальном поведении – таков арсенал средств коммуникативного давления на личность» [10, с. 86].

Оскорбление (коммуникативная перверсия) в современном понимании этого понятия подразумевает реализацию таких стратегий речевого поведения, как: 1) *диффамация* – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) вербальная *дискриминация* – выражение в речи своего превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным причинам; 3) вербальная *дискредитация* – подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) вербальная *инсинуация* – создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо (см. [11, с. 52]). Таким образом, при рассмотрении речевых ситуаций, связанных с защитой чести, достоинства, деловой репутации, а также в делах о клевете перед филологом может параллельно ставиться вопрос о наличии речевых признаков оскорбления (особенно это необходимо в тех случаях, когда речевое действие совершено с помощью СМИ или в официальной обстановке).

В настоящей статье мы обратимся к анализу следующих характеристик речевого акта оскорбления: 1) внешнеситуационный компонент (публичность, официальная обстановка и т. п.); 2) участники ситуации и соотношение их социальных ролей; 3) интенция автора (иллокутивная сила); 4) перлокутивный компонент, соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата. Иначе говоря, мы рассмотрим все те свойства речевого акта, которые напрямую вытекают из ситуации общения.

Оскорбление – это вид языкового насилия, широко понимаемого как лишение человека свободы выбора. В нашем обществе существует лингвокультурный запрет на речевое поведение в адрес лица (лиц), при котором бездоказательно, в грубой форме делается попытка очернить, понизить социальный статус лица (лиц). Такой акт, по оценке Дж. Остина, является перформативом, то есть слово становится действием, а участники акта оскорбления – инвектором (тот, кто оскорбляет) и инвектумом (тот, кого оскорбляют) в самой ситуации оскорбления.

Схема анализа речевого акта оскорбления выглядит так: *кто* говорит, *кому* говорит, *что* говорит и *как* (в какой ситуации) говорит. В случае с говорящим оценивается его намерение (интенция, иллокутивный компонент), определяется, имел ли говорящий умысел оскорбить или произошёл коммуникативный сбой (недопонимание), были ли условия отказа от речевого акта оскорбления, адекватно ли слово говорящего представляет реальность или выражает его намерения/желания и т. п. В случае со слушающим важно учитывать свойства личности, против которой направлено оскорбление, потому что только слушающий решает, оскорблён он или нет. Так, исследователь В.И. Жельвис замечает: «Юная девушка вправе оскорбиться, если в её присутствии употребят слова типа “говно” или “жопа”, а завсегдатая пивной может не задеть и самый грубый мат» [5, с. 201].

Схемы анализа речевого акта оскорбления представлены в работах по юрислингвистике [12–14]. Приведём структуру речевого акта оскорбления в том виде, в каком даёт её К.И. Бринёв в своей монографии:

«Участники. Участник 1 – инвектор, Участник 2 – инвектум, Участник 3 – наблюдатель. Обязательными участниками являются первые два, последний (наблюдатель) – факультативный участник.

Иллокутивная цель высказывания – Участник 1 пытается причинить ущерб Участнику 2 в области психики.

Условия успешности инвективного акта. Участник 1 знает, что высказывание X может причинить ущерб Участнику 2, и хочет, чтобы Участник 2 знал, что в отношении Участника 2 Участником 1 произведено инвективное высказывание.

Инвективное высказывание. Высказывание, выполняющее функцию инвективы в самом общем смысле как “резкое выступление против кого-либо, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад”. <...>

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X

В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб» [12, с. 95].

Приведённая структура свидетельствует о первостепенной важности наличия оскорбительного намерения при анализе речевого акта оскорбления: имел ли говорящий (инвектор) цель уязвить чувства, «замарать», понизить социальный статус другого лица. Нередко иллокутивное намерение называют одним из ведущих признаков квалификации и последующей юридизации оскорбления: «наблюдения над экспертными заключениями позволяют утверждать, что определяющим параметром для итоговой экспертной лингвистической квалификации текста является интенциональный компонент: конфликтогенные языковые средства юридически нерелевантны в случае отсутствия конфликтной интенции, и, наоборот, может быть юридизировано всё, что на неё “работает”» [14, с. 60–61].

Однако анализ конкретных речевых ситуаций подводит к мысли о том, что не всегда акт оскорбления порождается намерением оскорбить. Душевно нечуткие (как вариант – недостаточно образованные или социализированные) люди обижают/оскорбляют/порицают в присутствии других или в официальной обстановке без осознанного намерения. Нередко эффект сильной инициативной агрессии («средство нападения») возникает в результате того или иного вида коммуникативного провала. Это может быть агрессия «клапанного» типа (для выпуска пара) или просто неумение правильно выстроить коммуникацию, неудачная шутка и т. п.

Прежде чем обращаться к реальным судебным разбирательствам, приведём характерный пример из рассказа А.П. Чехова «На чужбине». Несмотря на художественную трансформацию, текст являет собой яркий пример конфликтной коммуникации. Кроме того, конфликтное поле чеховских текстов тем более любопытно, что исследователи называют прозу писателя началом осмысления «малого террора» в литературе (см. [1, с. 43–44]). Объектом внимания Чехова часто является коммунальное, бытовое насилие, и оскорбление на страницах его произведений не редкость.

Сюжет рассказа «На чужбине», на первый взгляд, незатейлив. Помещик Камышев обедает со своим слугой-французом по фамилии Шампунь и при этом огульно ругает всё французское. Утончённый до манерности бывший гувернёр

лишь слабо возражает. Но после того как Камышев назвал своего слугу-француза *изменником отечеству*, Шампунь заявляет, что хозяин нанёс ему оскорбление, какое *не мог бы придумать и враг* его. Оскорбление становится поводом для сборов на родину и угрозой разрыва служебных отношений со стороны Шампуня. Однако сам помещик Камышев не сознаёт своей вины: *Ах, чудак! Если я французов ругаю, так вам-то с какой стати обижаться? Мало ли кого мы ругаем, так всем и обижаться? Чудак, право! Берите пример вот с Лазаря Исакича, арендатора... Я его и так, и этак, и жидом, и пархом, и свинячье ухо из полы делаю, и за пейсы хватаю... не обижается же!* (НЧ, с. 164).

Рассказ «На чужбине» принадлежит к жанру юмористических рассказов. Конфликт разрешается в игровом комическом ключе: Камышев не отпускает Шампуня, заявив, что потерял его паспорт. Между героями происходит примирение, Шампунь остаётся в доме Камышева. Но завершён лишь внешний конфликт, внутренний конфликт не исчерпан: *Шампунь пудрит своё заплаканное лицо и идёт с Камышевым в столовую. Первое блюдо съедается молча, после второго начинается та же история, и таким образом страдания Шампуня не имеют конца* (НЧ, с. 165).

Перед нами ситуация, когда говорящий не имеет осознанной интенции оскорбить слушающего. Камышев не понимает причины бурной эмоциональной реакции Шампуня. Для Камышева ругань всего французского (на месте француза мог бы быть немец, итальянец, еврей – любой *другой*) является обеденным ритуалом. Комический эффект здесь основан на том, что причиной обиды француза является стёртый в знаковом плане ежедневный ритуал. Тем не менее этот ритуал является предметом нравственных страданий француза, а потому отсутствие намерения говорящего оскорбить не аннулирует акт оскорбления. Многократная повторяемость подобных действий только усиливает вину Камышева перед Шампунем. Эта ситуация тем более опасна, что Шампунь лишён возможности её прекратить (у него нет паспорта).

Таким образом, мы видим, что в силу индивидуальных характеристик героев (в данном случае этической глухоты Камышева) нарушаются коммуникативные связи. Оскорбительны не только слова Камышева, оскорбительно главным образом бесправное положение гувернёра, в котором он вынужден терпеть оскорбление.

Повышение общего уровня агрессии в обществе на фоне осязаемого падения культурной планки являет всё более разнообразные случаи подобного опасного косноязычия, а также манипуляции с агрессивными средствами языка. Сейчас не редкость, когда речевая стратегия дискредитации, направленная на понижение социального статуса человека, может быть использована не с намерением оскорбить, а с другими агрессивными целями.

Появилось своеобразное направление в современной литературе, где подобные «схватки» с привлечением подмётных писем, оговоров, клеветы, оскорблений структурируют романы о жизни «офисного планктона», представителей творческих профессий, учебных заведений («Офисные крысы» Т. Хеллера, «99 франков» Ф. Бегбедера, «Кафедра А&Г» Т. Соломатиной, романы С. Минаева и др.).

Борьба за место под солнцем может превратиться и в прямую дискриминацию, принуждение, вынуждение, садизм и т. п., если речевой агрессор выступает

с позиции силы. Разберём реальное судебное дело, проанализировать которое (уже по итогам суда) предложила казанская журналистка А.А. Григорьева, обратившись за комментариями к юристу и эксперту-филологу, предоставив материалы гражданского процесса и дав согласие на их научное осмысление.

В мае 2010 г. А.А. Григорьева, на тот момент работавшая журналистом в региональном приложении газеты «Аргументы и факты – Казань», обратилась в суд с иском к редактору (на момент событий) приложения Д.И. Ходик и к ООО «Аргументы и факты – Казань». Это был иск об оскорблении, защите чести и достоинства и деловой репутации в рамках гражданского делопроизводства. В исковом заявлении Григорьевой говорилось, что Ходик публично дискредитировала её работу, нанесла вред деловой репутации журналиста.

Обстоятельства дела таковы: на редакционном собрании по обсуждению плана газеты редактор Д.И. Ходик в резкой форме отозвалась о качестве работы коллектива газеты в то время, когда газетой руководил прежний редактор (на момент разговора Ходик руководила приложением 5 месяцев). Григорьева пояснила, что кроме неё на редакционном собрании присутствовали ещё двое сотрудников: копирайтер и ещё один журналист. Хотя редактор употребляла местоимение *вы*, обвинения в некачественной, «халтурной» работе фактически относились к одной Григорьевой, поскольку из журналистского состава старой редакции (до прихода туда Ходик) на собрании присутствовала только Григорьева. Как журналист, писавший на первые полосы газеты, она восприняла обвинение в отсутствии эксклюзивных материалов и общую оценку работы редакции при прежнем редакторе в свой адрес.

Приведём отрывок записи разговора с собрания журналистов, который анализировался в суде (в тексте выделены слова и выражения, которые стали предметом разбирательства):

Григорьева: *У меня на том же уровне остались (гонорары. – Т.Ш.). Хотя работаю я больше сейчас.*

Ходик: *Потому что я требую просто больше. Я требую качественной работы, а не той халтуры, которую вы выдавали раньше.*

Григорьева: *Мы выдавали халтуру?*

Ходик: *На мой взгляд, поэтому редактора и поменяли, была халтура. <...>*

Григорьева: *Мы работали халтурно, ты говоришь, как же мы занимали вторые-третьи места?*

Ходик: *Среди отстающих.*

Григорьева: *Нет.*

Ходик: *Да. Среди шестнадцатиполосников, конечно, вы первые места занимали, а эти пятёрки «Иркутск», «Красноярск» – нам до них как до звезды.*

Григорьева: *Мы занимали хорошие места.*

Ходик: *Среди шестнадцатиполосников.*

Григорьева: *А среди каких полосников? У нас всё идёт на шестнадцати полосах. <...> То есть руководство АиФа в Москве, присуждая нам третье место, оно ошиблось. Мы не достойны, да, были?*

Ходик: *Моя оценка совпадает с оценкой куратора. До этого был другой куратор, он по-другому оценивал. От этого куратора я слышу, что у нас большая часть материалов проходные. И я с этим согласна.*

Григорьева: *Куратор оценивает работу сейчас. А не прежнюю работу. Правильно?*

Ходик: *Да. Он сейчас мне говорит, что у нас нет эксклюзивных материалов, и я с ним согласна.*

Григорьева: *То есть мы работаем плохо, выходит, сейчас, а не тогда?*

Ходик: **Вы и до этого работали неважно** (МГД).

Инициативное лингвистическое исследование, приложенное к делу, квалифицировало выражения редактора как негативно характеризующие и саму госпожу Григорьеву, и её работу. В исследовании обращалось внимание на резкую форму выражений: слово *халтура* имеет в словарях пометки «разговорное», «неодобрительное» и означает крайне негативную оценку чьей-либо деятельности. *Халтура* – ‘недобросовестная, небрежная и без знания дела работа, а также вещь, сделанная таким образом’ [15, с. 226]. Отмечалось также, что слово *халтура* содержит и оценку качества работы («недобросовестная», «небрежная»), и оценку профессиональных качеств того, кто сделал такую работу («без знания дела»).

Во время судебного разбирательства Григорьева предоставила суду грамоты и награды (выданные ей и изданию до прихода туда нового главного редактора), то есть слова редактора опровергались Григорьевой как сведения, хотя представленный суду отрывок на деле является оценочным мнением Ходик и не может подвергаться проверке на истинность/ложность.

Из материалов дела следовало, что во время плановых собраний разговоры о дисциплине и рабочих качествах сотрудников Д.И. Ходик вела не единожды. Контекст разговоров свидетельствовал о наличии конфликта между редактором и журналистами. Например, Ходик использовала в адрес журналистов слова и выражения семантического поля «карательные методы»: *закручивание гаек, репрессии, вы сами напросились, наказание, оштрафовать* и др. (ср.: **Закручивание гаек происходит только после того, если я вижу, что ко мне не так относятся** (МГД)).

По словам Григорьевой, разговоры о «закручивании гаек» и указания на «халтурную работу» начались после того, как Григорьева и несколько других работников отказались без ознакомления подписывать документ, который, как им показалось, уменьшает размеры их гонораров. Григорьева просила о возможности дать ей несколько дней на ознакомление с условиями документа, после чего Ходик стала угрожать «репрессиями» (этот контекст в лингвистическом исследовании не рассматривался):

Ходик: *Если будем сопротивляться, то как бы будет меня директор как бы нагибать, так скажем, чтобы я против вас репрессивные меры применяла. Мне деваться некуда. <...>*

Григорьева: *То есть, если я правильно понимаю, в случае если мы сегодня не подписываем, к нам будут применены репрессивные меры?*

Ходик: *Фактически это подразумевает да* (МГД).

По мере развития конфликта в редакции Ходик также намекает на то, что может дать журналистам плохие рекомендации:

Ходик: *Пойдёт об этом человеке в кругах журналистских, что она там такая скандальная, вы с ней не связывайтесь. Вот сейчас придёт устраиваться на работу человек, в первую очередь начнут спрашивать, а где он работал, а что вы о нём можете сказать... Считаете там сколько... каждые 15 минут нужен технический перерыв. А работодателю такой работник не нужен проблемный.*

Григорьева: *То есть, Даш, ты нам грозишь ещё и плохими рекомендациями?*

Ходик: *Я не... я не... я не.... Я никогда этим не занимаюсь. Но такое может быть теоретически (МГД).*

По словам Григорьевой, это высказывание редактора по-настоящему напугало её, так как она занималась поисками другой работы. Однако этот фрагмент также не анализировался в лингвистическом исследовании и не выносился представителем Григорьевой на рассмотрение суда, хотя именно он, на наш взгляд, является ключевым для понимания ситуации.

При рассмотрении заявления А.А. Григорьевой судья, имевший в распоряжении полную запись с собрания, предложил Д.И. Ходик извиниться перед журналисткой. Иначе говоря, факт коммуникативной перверсии (речевое решение, подчинённое выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности личности) судья признал. Однако юридизировать лингвистическое понятие перверсивности, осознаваемое на уровне языковой интуиции, суд не стал: во-первых, слово *халтура* не является нецензурным; во-вторых, суд совершенно справедливо отметил, что высказывания Ходик не являются сведениями и утверждениями о фактах – это оценка работы журналиста, критика в разумных пределах. Суд отказал А.А. Григорьевой в удовлетворении её иска.

Получился юридическо-лингвистический парадокс, сродни тому, что произошёл в знаменитом деле о «розовой кофточке» (И. Ароян против Ф. Киркорова). Напомним, что лингвистическая экспертиза не признала высказывания Ф. Киркорова в адрес И. Ароян оскорбительными. Выражения Киркорова были квалифицированы как языковая игра, выражение мнения; кроме того, эксперт использовал узкое определение оскорбления, при котором обязательна направленность на адресата, приписывание ему отрицательных характеристик и неприличная форма высказывания (на этом основании не признавалась оскорбительной характеристика *непрофессионализм*, приписанная Ароян во фразе «*Я не люблю непрофессионалов! Непрофессионалам тут делать нечего!*»). Не будем останавливаться на этом деле подробно, цитируемая экспертиза неоднократно опубликована, в частности, самим автором с подробным комментарием [16, с. 537–553]. Общественный резонанс дела «Ароян против Киркорова» был огромный. Адвокат В. Лившиц доказал, что речевое поведение певца было оскорбительным, и суд вынес обвинительный приговор, несмотря на заключение лингвиста.

Почему мы считаем возможным сравнивать дело «Григорьева против ООО «Аргументы и Факты – Казань» и Ходик» и дело о «розовой кофточке», хотя в первом случае иск был подан в рамках гражданского делопроизводства, а во втором – уголовного? Во-первых, потому, что и в том, и в другом случае агрессор, занимавший более высокое социальное положение, категорически не признавал

своё речевое поведение оскорбительным по отношению к конкретному человеку. Во-вторых, потому, что в обоих случаях лингвистический анализ средств выражения оскорбления без привлечения средств контекста и ситуации речевого общения, социальных ролей говорящих дал сбой. Лингвистическая экспертиза не помогала, а, скорее, мешала вынесению верного судебного решения. Но это не значит, что плоха сама практика назначения лингвистической экспертизы в делах такого рода.

Теория и практика судебной лингвистической экспертизы доказали, что неприличная форма высказывания важна для квалификации оскорбления в уголовной сфере. Для квалификации же правонарушения с точки зрения гражданского кодекса важна не форма выражения (лексика может быть и общелитературной и вполне стилистически корректной), а степень урона социальному статусу, который наносит инвектор.

И здесь на первый план выдвигаются социальные роли инвектора и инвектума, которым традиционно уделяется мало внимания при анализе агрессивных речевых актов. Скорее всего, Ф. Киркорову, как он и говорил, было «всё равно», что напишет И. Арьян, и его агрессия действительно была «клапанного типа», без умысла оскорбить. Однако положение публичной персоны «обязывает», и этот контекст учёл суд в своём окончательном решении. Как показал разбираемый случай в редакции, журналистка А.А. Григорьева сочла оскорбительным не сам факт критики её работы, а то положение, в которое её пыталась поставить начальница. Негативная характеристика работы была воспринята журналисткой как демонстрация силы, как попытка лишить её права выбора. Слова главного редактора приобретают своё оскорбительное значение, если анализировать их с позиции зависимого положения журналиста, с учётом чего они и произносились. Однако этот конфликтный контекст, пронизанный языковыми манипуляциями, угрозами, постановкой условий с использованием служебного положения, не был вынесен на анализ филолога и на рассмотрение суда.

В компетенцию филолога не входит оценка судебных решений, но, оценив тот текстовый материал, который был предложен суду (вырванный из контекста диалог, содержащий негативную оценку работы журналиста), мы можем заключить, что было бы странно ожидать от суда какого-то другого решения. Российский суд основан на принципе состязательности сторон, он устанавливает истину на основе предоставленных сторонами фактов.

Если в случае с Ф. Киркоровым оскорбительность реплик певца ощущалась большинством носителей русского языка (и сам певец впоследствии признал, что «погорячился»), то перверсивность анализируемого отрывка о «халтуре» возникает лишь в контексте прежних разговоров в редакции, при анализе социальных ролей участников разговора. Иначе говоря, конфликт данного текста вынесен за пределы обсуждаемого отрывка о халтуре. Он кроется в общем конфликтном контексте и в распределении социальных ролей («начальник – подчинённый»).

Практика Европейского суда предлагает различать критику и оскорбление. Оскорбление – это не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности «чести и достоинства» конкретного человека. Попытки запугать репрессиями, увольнением и плохими рекомендациями – это тот оскорбительный контекст, который побудил А.А. Григорьеву обратиться в суд и который

необходимо анализировать в делах подобного рода, иначе назначение лингвистической экспертизы превращается в формальную процедуру.

Комментируя широкий общественный резонанс, который вызвал скандал вокруг дела о «розовой кофточке», редактор «Газеты Дона» Сергей Медведев написал: «Впервые зарвавшаяся звезда был объявлен массовый бойкот. <...> Бойкот Киркорова – это не столько протест против самого певца, сколько желание граждан доказать себе и окружающим, что хамство, наглость, пошлость могут быть наказаны, от кого бы они ни исходили» [17]. К слову, аналогичным образом в журналистской среде Казани был воспринят и протест Григорьевой. Этот контекст обычно представляет адвокат (как это делал В. Лившиц), однако и филологу необходимо иметь в виду особенности рецепции речевой ситуации, так как здесь он имеет дело с речью, погружённой в жизнь.

С помощью вербальной дискредитации, дискриминации, инсинуации и диффамации может осуществляться травля работника, реализация руководством того или иного предприятия невыгодной репрессивной политики, вынуждение к увольнению, борьба с неугодными и многое другое. Поскольку в практике Европейского суда, а также в складывающейся в России практике судебной лингвистической экспертизы главным критерием оскорбления в гражданском делопроизводстве является не столько «эффект унижения», сколько «эффект понижения», то и иллюкутивная сила речевого акта может состоять не только в цели «причинить ущерб в области психики» (эта цель может быть и вторичной, а может и вовсе отсутствовать). Иллюкутивная сила речевого акта оскорбления должна также оцениваться с точки зрения намерения причинить ущерб социальному самоощущению человека. Другими словами, при анализе ситуации речевого акта оскорбления особое внимание необходимо уделить социальному распределению ролей участников разговора, учесть положение участников в социальной иерархии (наличие статусных, массмедийных преимуществ у инвектора), всё то, что работает на перлокутивный компонент, соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата.

Лев Николаевич Толстой, имевший отношение и к словесности, и к юридическим наукам, нередко привлекавшийся к судебным процессам, считал, что насилие одного человека над другим ведёт к общему экономическому отставанию всей страны (см. [18, с. 13–26]). Часто насилие на речевом уровне является лишь первой ступенью к другим правонарушениям, легко перерастает в социальную дискриминацию, нарушения трудового законодательства, травлю моральную и физическую.

Речевой акт оскорбления, понижающий социальный статус говорящего, в институциональном общении, когда оскорбляющий чувствует свою безнаказанность, может быть одним из приёмов оскорбительной речевой стратегии (как с целью заставить человека принять невыгодное для себя решение, так и с неосознаваемой (или осознаваемой) целью получить извращённое удовольствие от унижения другого). Эксперт-лингвист при анализе такого рода дел может и должен проявить экспертную инициативу и, не выходя за границы своей компетенции, обратить внимание суда на наличие/отсутствие оскорбления, которое заложено в типе речевого поведения, основанного на социальной дискриминации или использовании другой силовой позиции инвектора.

Summary

T.S. Shakhmatova. Insult as an Instrument of Verbal Violence in Speech Situations of Institutional Communication.

The article examines the distinction between a reasonable criticism and an insult (humiliation) in the situation of unequal social status of communication participants. Insult is considered to be an instrument of verbal aggression, used for social pressure, constraint and communicative sadism. The paper justifies the conclusion that a linguistic expert ought to take into account the conditions of a speech act, particularly the status of an insulter and an insultee and the general context of communication, when analyzing the speech act of insult.

Keywords: speech act of insult, verbal aggression, context of a speech act, verbal violence.

Источники

МГД – Материалы гражданского дела № 2-2473/2010 ~ М-2212/2010. Истец (заявитель): Григорьева А.А. Ответчик: ООО «Аргументы и факты – Казань», Ходик Д.И. Московский районный суд г. Казани.

НЧ – *Чехов А.П.* На чужбине // Чехов А.П. Сочинения: в 18 т. – М.: Наука, 1976. – Т. 4. – С. 163–165.

Литература

1. *Липовецкий М.Н., Боймерс Б.* Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». – М: Новое лит. обозрение, 2012. – 374 с.
2. *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. – М: Флинта, Наука, 2010. – 170 с.
3. *Волкова Я.А.* Приёмы коммуникативного садизма в деструктивном общении // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов: II Интернет-конференция по юрислингвистике и судебной лингвистической экспертизе (2012). – URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/ja_a_volkova_priemy_kommunikativnogo_sadizma_v_destruktivnom_obshhenii/10-1-0-284, свободный.
4. *Седов К.Ф.* Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Труды междунар. семинара «Диалог 2002» по компьютерной лингвистике. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7379>, свободный.
5. *Жельвис В.И.* Слово и дело: Юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика – 2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 194–206.
6. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Ред. М.В. Горбаневский. – М.: Галерея, 2002. – 424 с.
7. *Бринёв К.И.* Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертологии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 36. – № 34 (172). – С. 15–21.
8. *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 1997. – 330 с.
9. *Кусов Г.В.* Оскорбление как иллюкутивный лингвокультурный концепт: Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 245 с.
10. *Кусов Г.В.* Общие и частные задачи криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 5–3. – С. 84–89.

11. *Кусов Г.В.* Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажений при оскорблении // Юрислингвистика – 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 44–56.
12. *Бринёв К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2009. – 252 с.
13. *Кусов Г.В.* Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике // Юрислингвистика – 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 35–44.
14. *Матвеева О.Н.* Лингвистическая экспертиза: взгляд на конфликтный текст сквозь призму закона // Юрислингвистика – 6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 56–69.
15. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
16. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.
17. *Южный А.* Филиппа Киркорова вызывают в суд // BBC. Русская служба. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_3832000/3832391.stm, свободный.
18. *Багаутдинов Ф.Н.* Музы и право. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2010. – 383 с.

Поступила в редакцию
10.04.13

Шахматова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, эксперт Казанского межрегионального центра экспертиз, докторант кафедры русского языка и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: shatatyana@yandex.ru